

Годовщина школы наступила быстро.

Танцевальное выступление Чу Няня было таким же захватывающим, как и ожидалось. Не нужно было разбираться в танце, чтобы быть невероятно впечатленным. Если не считать того, что приглашенный ею специальный гость слегка затмил это великолепие, все прошло идеально.

Чжун Юань не показывался. Он просто прочитал половину стихотворения под фоновую музыку в начале ее программы и программы годовщины. Когда не видно, другие чувства обостряются. Хмурые зрители узнали его голос во второй программе.словно чисто белые крылья птицы, которые тревожно взмахивали над берегом, где волна омывала берег, вызывало небольшое цунами, вибрации которого разнеслись по всему залу.

Выпал снег.

На мои проржавевшие лёгкие.

Этой ночью мой голос - это поезд, остановленный на пути,

А твоё имя - протяженная граница России.

Сегодня вечером ты танцуешь. А я теряюсь.

Чжу Жань имел счастье услышать эту мелодию у Чжун Юаня. И он знал, что у нее романтическое, но наивное название «Loving you».

В зале было темно. Огни были похожи на звезды, заполняющие небо, танцоры на сцене - на бабочек,. Когда этот танец закончился после внезапного быстрого ритма, она обняла себя за колени. Она превратилась в умирающую бабочку, вся энергия которой была потрачена, и она стремительно упала в глубокую осень. Желанная красота и искусство в этот день ушло в небытие.

Чжу Жань громко аплодировал, его руки онемели от хлопков.

Это был редкий юбилейный случай. Все ученики танцевали, пока не наступила полночь, и у всех сияли глаза. Даже ответственные учителя махнули рукой, молча разрешая им веселиться.

Чжу Жань ушел за кулисы, чтобы найти кое-кого. Чу Нянь пригласила его за кулисы, чтобы он был рядом в тот самый момент, когда она сойдёт со сцены. Ещё до того, как она вышла на сцену, она уже выглядела так, будто перенервничала... ее лихорадило от перевозбуждения.

— В тот момент я, наверное, буду на грани смерти, Чжу Жань-гэ, ты должен меня поймать...

Чжу Жань рассмеялся и согласился, но сейчас он не собирался туда ради Чу Няня.

Ее танец должен пройти так, чтобы не оставить даже тени позади на теперь уже неинтересной танцевальной сцене. Небеса вознаграждают тех, кто усердно трудится*. Спустя десять лет в хореографии естественным образом она наконец сама стала танцем этой ночью. Иначе мир стал бы одной большой ошибкой.

*□□□□□□ - китайская пословица.

С наушниками в ухе Чжун Юань последовал за группой за кулисы, опустив глаза. Эти люди были настолько шумными, что у него заболела голова. Но было бы еще теснее, если бы он

остался на местах для зрителей. Из двух вариантов он мог выбрать только этот.

Если бы не приглашение Чу Няня, его бы здесь вообще не было.

За день до годовщины школы Чу Нянь призналась ему. Но его ответ был настолько честным, что вызывал жалость:

— У меня есть человек, который мне давно нравится.

— Это Чжу Жань? Это он? — последовала за ним Чу Нянь, ожидая ответа.

Чжун Юань обернулся, и он никогда не видел столько слез до этого. Это не просто слёзы - их настолько много, что это кажется почти преступлением. Они омывали хрупкое лицо девушки, которая страдала от безответной любви.

Столкнувшись с этой эмоцией, он снова подумал о Чжу Жане. Он никогда не видел, чтобы Чжу Жань плакал. Хотя... он плакал в минуты крайнего наслаждения. После близости наступали самые нежные мгновения между ними. Чжу Жань любил обнимать его сзади, их пальцы сплетались, ощущали пульс под кожей, будто в такт в крови бурлил бешеный яд. Оказывается, Чжу Жаню давно не нужно было плакать.

Подумав об этом, Чжун Юань ещё сильнее ощутил, что совершил преступление. После долгого молчания он смог сказать лишь одно:

— Прости.

Дверь распахнулась... и перед ним предстало ещё большее преступление.. Вавилонская башня рухнула от рук богов. И дело было не только в том, что искусство Чу Нянь погибло... просто никто, живущий в этом мире, не мог спастись.

Его Чжу Жань, под цветущей сакурой, его сюэчжан, чьи волосы были украшены упавшим лепестком цветущей вишни, открыл рот и произнес «милая». Так вот, оказалось, что это слово можно использовать вскользь, можно раздавать по крупицам. Эта щедрость делала их возлюбленными, даря им лишь временное тепло искренней любви.

Он наклонился, целуя девушку, сидящую на туалетном столике, и этот поцелуй был серьезным и страстным. Судя по всему, Чжу Жань хорошая пара для любого. Какая девушка могла бы отказать ему? И когда Чжун Юань влюбился в него первым, в тот же миг, он потерял возможность отказать.

Отделенный шумной толпой, Чжун Юань смотрел на него, внезапно не в силах что-то понять. Как могло случиться, что, прожив столько лет, он только сейчас понял, что судьба распутывается слоями. Если быть немного более замысловатым, то некоторые люди могут назвать это судьбой. Она была, как следует из названия, строго неизменной, благоразумной и жестокой. Но ничего не поделаешь. Никто не в силах противостоять ей.

Это была мука. Они стояли прямо там, глядя друг на друга издали, не в силах ничего сделать.

*

Оставив поцелуй, который не принадлежал Чжун Юаню, Чжу Жань исчез. Но поскольку какое-то время они спали в одной постели, он не стал заходить так далеко. По крайней мере, он

оставил записку для Чжун Юаня.

«Бросил школу, чтобы работать. Раз нам двоим не суждено быть вместе, нам реально не нужно прощаться. О, если ты вдруг однажды разбогатеешь, ты можешь пожертвовать мне немного денег».

Это было похоже на шутку.

*

Чжу Жань лежал на больничной койке по крайней мере полмесяца.

Вэй Яо пришел к нему, закатив глаза, называя его идиотом за то, что он играет с огнем и намеренно идет к девушке Лу Мина. С поднятой рукой, Чжу Жань выглядел комично, но казался таким же самодовольным, как и всегда.

— Можете ли вы хотя бы разобраться в ситуации? Она сама начала флиртовать со мной.

Вэй Яо помешивал кашу в миске ложкой так агрессивно, что она чуть не пролилась.

— Я тебе вообще не верю. Если бы ты не соблазнил ее, она бы стала изменять Лу Мину?

Чжу Жань отнесся к этому с презрением.

— Это потому, что Лу Мин недостаточно хорош.

Вэй Яо наконец потерял дар речи от гнева, засунул ложку в его рот, и поэтому Чжу Жань оттолкнул его руку и назвал его сумасшедшим.

Если оставить все в стороне, мужчина, который кормит кашей другого мужчину все еще было странным уютным зрелищем, особенно когда оба выглядят, как хулиганы. Это заставляло бабушку на кровати рядом с ним время от времени радоваться и хвалить их, считая, что они очень близкие братья.

После того, как каша была полностью съедена, Чжу Жань слегка прилег на кровати, наклонив голову, показывая, что хочет отдохнуть и больше не видеть этого ублюдка Вэй Яо. Вэй Яо встал с пластиковым контейнером для еды и с шумом оттащил табуретку, выражая свою ярость. Но после этого Чжу Жань больше ничего не слышал.

— Это из-за Чжун Юаня? — спросил через некоторое время Вэй Яо.

Веки Чжу Жана дрогнули, но он не открыл глаз.

— Шэнь Чэньсюя мне рассказал. — Вэй Яо продолжил. — Когда Чу Нянь только начала ухаживать за Чжун Юанем, я подумал, что с вами, ребята, что-то не так. Если он тебе нравится, разве ты не можешь сказать об этом прямо? Позволил себя избить до смерти и лежишь в больнице, испытываю жалость к себе. Какой же ты идиот, Чжу Жань.

Его хороший друг дважды за короткое время назвал его идиотом. Чжу Жань наконец открыл глаза, и тихо произнес:

— Приятели по траху.

Вэй Яо был ошеломлен.

— Мы были всего лишь приятели по траху. — Чжу Жань посмотрел на него. — Вэй Яо, теперь ты понимаешь?

Шэнь Чэньсюй ошибался в одном. Лу Мин купил не то, что принесло бы дополнительные баллы к его результатам в соревновании. Он купил место, которое должно было достаться Чжун Юаню. Чжу Жань не понимал ни олимпиад, ни того, что дает дополнительные баллы. Когда он вернулся домой, промокший под дождем, он узнал только о ситуации, с которой пришлось столкнуться Чжун Юаню. Человеческая жестокость не была чем-то, что каждый мог пережить. Чжу Жань долго сидел у двери, глубоко задумавшись, и решил, что должен использовать все возможное, чтобы помочь ему пройти через это.

Чтобы начать неприятности, нужно найти хороший способ их начать, и Чжу Жань легко это устроил. Он выбрал самый подходящий момент, чтобы поцеловать ее, и очень быстро их застукали за этим. Лу Мин был отправлен в больницу, после их драки. А такой исход не было чем-то, о чем можно было бы пожаловаться отцу. Так что он потратил немного денег только на то, чтобы нанять нескольких хулиганов, которые избili Чжу Жаня до полусмерти. Вот так он попал в больницу на полмесяца.

К семнадцати или восемнадцати лет Чжу Жань уже давно освоил способ жить с болью. Кто-то нуждался в помощи других, чтобы справиться со своими проблемами, они просто не справлялись с этим в одиночку. Но на этот раз он хотел попытаться спасти Чжун Юаня.

У него была красивая внешность и отличный мозг, но все это делало его еще более одиноким. Чжу Жань предполагал, что если бы у него был выбор, он бы выбрал нормальную, счастливую семью, с родителями, которые любят его, а также нежную возлюбленную, которая ему подходит. И жил бы вдаль от всех этих мирских благ мирно и счастливо. Это звучало так хорошо. Мирно и счастливо. Даже простая мысль об этих вещах уже казалась сокровищем.

Он был тем, кто с самого начала определил их отношения как отношения без обязательств. Как табу, о котором нельзя рассказывать никому. Но если бы он каждый день слонялся рядом с ним, Чжун Юань не смог бы освободиться от этих порочных отношений. Чжу Жань не мог держать его подле себя на такой долгий срок просто из эгоистичных соображений. Будущее Чжун Юаня должно быть светлым и многообещающим. И раз он был один так долго — достаточно долго, что даже морская вода высыхала, — теперь, когда появился кто-то, готовый любить его всем сердцем, это стало бы хорошим началом, несмотря ни на что.

Итак, давайте здесь попрощаемся.

<http://bllate.org/book/14300/1266012>